

ВСЕЛЕННАЯ ЖЗЛ

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
СЕНТЯБРЬ 2018 № 1(23)

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО
ЖАНРА

НОВИНКИ «ЖЗЛ»

стр. 3

Анна Сергеева-Клятис «КОМИССАРЖЕВСКАЯ»
Мария Залеская «ЛЮДВИГ II»
Вильгельм фон Штернбург «РЕМАРК»
Антонина Пиккуль «ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ»
Ксения Супоницкая «ВАЛЕРИЙ ГАВРИЛИН»
Александр Васькин «ШУХОВ»

ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

стр. 4

2017-й был отмечен столетием Октябрьской революции, и так совпало, что победителем Национальной литературной премии «Большая книга» стал в прошлом году Лев Данилкин с книгой «Ленин: Пантократор солнечных пылинок». Год спустя мы предлагаем еще раз обратиться к «вечному» вопросу о роли Ленина в отечественной и мировой истории.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

стр. 5

«Юности честное зерцало»: Валентин Юркин — об истории детской литературы в России, о необходимости приобщения к чтению с самых первых лет жизни ребенка.

МГ—NEXT

стр. 7

В семье молодого гвардейских серий прибавление — направление «МГ—NEXT». Само ее название (от англ. next — следующий) демонстрирует, что оно представляет собой следующее поколение документальной прозы — в новом, современном оформлении, в оригинальном стиле, предназначенном для нового поколения читателей. В этом направлении выпускаются как книги, выходявшие прежде в серии «ЖЗЛ», так и совершенно новые, написанные специально для нее. Среди авторов «МГ—NEXT» — и такие известные писатели, как Захар Прилепин, Валерий Попов, Геннадий Прашкевич, и молодые таланты, которым предстоит найти общий язык с их ровесниками; их часто называют «поколением NEXT».

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

стр. 8

Предлагаем вашему вниманию план мероприятий на стенде «Молодой гвардии» (D4—E3) на 31-й Московской международной книжной выставке-ярмарке (ВДНХ, 75-й павильон, зал «Б»; 5—9 сентября).

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

Е. Евтушенко

«ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО» АЛЕКСАНДРА КУЛАНОВА

Одной из первых книг нашего нового направления «МГ—NEXT» стала биография знаменитого разведчика Рихарда Зорге (1895—1944). Об удивительной судьбе «советского ниндзя» мы поговорили с автором книги «Зорге. Неудобный» Александром КУЛАНОВЫМ — писателем столь же незаурядным, как и его герои. Что ни личность — то загадка, что ни история — то детективная. Распутать все нити — крайне непросто, и аналитическая работа в творческой лаборатории Александра Евгеньевича, словно в детективном агентстве, кипит нешуточной.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших родителях.

— Я вырос в простой семье: мама была медсестрой, трепетно любившей книги и приучившей читать меня; папа — отличным инженером, умным, смекалистым, с явными конструкторскими способностями. Я и сейчас считаю, что по сравнению с инженерами — людьми, которые умеют строить машины, — гуманитарии вроде меня в интеллектуальном смысле вторичны.

— Вы окончили Ярославское высшее военное финансовое училище, служили в воздушно-десантных войсках... Трудно представить, что всё это предвещало карьеру востоковеда, журналиста, писателя.

— Я сам не понимаю, как это произошло... Да, после училища я служил в 106-й гвардейской Тульской воздушно-десантной дивизии, а позже был переведен в Москву, в Школу прапорщиков ВДВ, откуда и уволился в запас с должности помощника начальника школы в во-

инском звании капитана. Еще в училище, а затем во время службы в Туле заинтересовался Японией относительно серьезно — насколько это было возможно в тех условиях. Даже написал реферат по восточной философии. Естественно, я занимался рукопашным боем, который в тульской разведроты называли почему-то айкидо, и метал сюрикэны, ножи и лопатки в мишени, построенные нашими боевыми пловцами прямо в казарме. Со временем интерес к Японии вышел за рамки боевых искусств. Я начал читать книги, изучать страну, увлекся, и как-то само собой получилось, что несколько лет спустя я оставил службу и подался в журналисты (в училище я четыре года был редактором «Боевого листка» — это была мощная закалка). Стал корреспондентом московского журнала «Япония сегодня», затем перешел в систему МИД России, в журнал «Дипломат», и уже оттуда поехал учиться в Японию.

— Когда, при каких обстоятельствах

и (наверное, ключевой вопрос) как быстро освоили вы японский язык? Владете ли им в совершенстве? Действительно ли он настолько сложен для русского человека — или иероглифы не должны нас пугать?

— Увы, по-хорошему я его так и не освоил. Мне достаточно моего уровня владения языком для жизни в Японии, но я совсем не переводчик. Ни о каком совершенстве речи идти не может. Но это не из-за того, что язык сложный, а по той причине, что я никогда себя переводчиком и не видел. Я говорю, в крайнем случае — могу сделать письменный перевод, но вообще это не мое призвание. Ну, а желающих стать японистами иероглифы пугать точно не должны — они учатся. Надо лишь очень захотеть.

— Можно ли сказать, что вы любитель всего японского? Или есть что-то, что прельщает вас в Японии не слишком — может, литература; может, кухня?..

Продолжение читайте на стр. 2

«ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО» АЛЕКСАНДРА КУЛАНОВА

Продолжение.
Начало читайте на стр. 1

— Да, конечно, в некотором роде я япономан. И как раз кухня занимает в списке моих пристрастий одно из первых мест. Впрочем, я люблю эту страну во многих ее проявлениях: ее традиционное искусство, современную архитектуру, дизайн, многое другое... А вот насчет литературы вы правы: в свое время я много читал ее, но сейчас она кажется мне слишком однообразной и предсказуемой.

— Как вам удалось поступить в аспирантуру Токийского университета?

— Я подал заявку и сумел получить грант Японо-российского центра молодежных обменов, после чего на год отправился в Токио изучать механизмы формирования государственных имиджей России и Японии. В стране я бывал и раньше, что, конечно, облегчило выполнение задачи — но не сильно. Это был жутко тяжелый и невероятно интересный год, который изменил всю мою жизнь. По его итогам мы с будущим профессором В. Э. Молодяковым опубликовали книгу «Россия—Япония: имиджевые войны».

— В 2003—2007 вы принимали активное участие в издании ряда журналов, посвященных Японии. Что это были за проекты и почему они закрылись?

— Сразу замечу, что никаких преференций с японской стороны я никогда не получал, а после выхода той книги — и подавно... Дело было так: осознав, что мои знания по теории и практике государственного имиджмейкинга никого не интересуют, я обратился к другим темам. Мы делали самый популярный в то время интернет-ресурс о Японии в Рунете — Japong.ru. Позже я работал в журналах, посвященных японским боевым искусствам — «Додзё» и «Будокан». Но я был лишь автором и редактором. Издателями были совершенно другие люди, и во всех случаях они приходили к выводу, что дальнейшая работа над моими проектами не только убыточна, но и бесперспективна. И закрывали их.

— На вашем счету — организация и проведение первого в России международного симпозиума по боевым искусствам под эгидой ООН. Что это было за идея? И что — за мероприятие?

— Совершенно верно. Во время работы над спортивными журналами мы с единомышленниками, точнее — «единочачателями» (мне кажется, это слово более точно отражает суть наших взаимоотношений) решили, что наше понимание японских боевых искусств стоило бы попытаться донести до читателей, да и вообще обсудить, пусть в узкой, но понимающей аудитории.

Мы узнали, что аналогичное мероприятие уже проводилось под эгидой ООН в Японии, а мы — чем хуже? Собрали специалистов из России, Японии, Беларуси и Великобритании в Москве, получили поддержку Института востоковедения РАН, информационного центра ООН в России, подготовили, на мой взгляд, интересные и абсолютно актуальные по сей день доклады, которые мы потом издали отдельно... Ну, а имело ли это какой-то, как говорят, выхлоп... не знаю — вопрос сложный.

— Владаете ли вы какими-то восточными единоборствами?

— Я занимался этим с 1986 года и до увольнения в запас из армии. Позже, как раз после проведения этого симпозиума, снова вернулся к практическим занятиям, но уже на совершенно ином уровне. На протяжении едва ли не десятилетия ежегодно участвовал в специальных семинарах по японским единоборствам в Киото. В то время увидела свет еще одна моя книга — «Черный пояс без грифа секретности». Это довольно необычное произведение о японских будо, написанное в соавторстве с уникальным мастером и настоящим воином А. Д. Арабаджиевым. Но я всегда был больше теоретиком, чем практиком.

— Вы выступали в качестве консультанта в нескольких теле- и кинопроектах, в том числе на съемках фильма «Солнце» Александра Сокурова. Насколько это был интересный опыт?

— Это был потрясающий опыт, и я чрезвычайно благодарен Александру Николаевичу за возможность обрести его. Первый вариант сценария фильма (измененного нами до неузнаваемости) до сих пор свято храню в своем архиве. Я был восхищен трепетным отношением Сокурова к историческим консультантам, к историческим деталям фильма. После

На церемонии вручения премии ФСБ за книгу «Роман Ким» (2017 год)

этого мне было порой невыносимо работать с режиссерами, которые мнят себя знатоками истории — а таких у нас абсолютное большинство. По счастью, есть и исключения.

— Может, теперь мечтаете сами стать режиссером?

— Думаю, уже поздно, но я точно знаю, что о многих моих героях совершенно необходимо снять фильмы — и документальные, и художественные, главное — хорошие, и мне невероятно жаль, что этого до сих пор не случилось. «Роман Ким заслуживает многих страниц в книгах и многих метров в новых фильмах», — писал Юлиан Семенов о герое одной из моих книг. Со страницами-то я худо-бедно справляюсь в меру своих весьма скромных способностей, а вот что касается метров... тут мне необходима поддержка мэтров.

— Пишете ли вы художественную прозу?

— Вы будете смеяться, но я пытался — в детстве. Первый свой роман я сжег, когда мне было 9 лет. Первые рассказы для «Пионерской правды» написал в 10—11 лет. Сейчас я понимаю, что это просто не мое, и бумагу больше не мараю.

— Подытожим: японский язык, боевые искусства, книги о разведчиках (об этом мы поговорим отдельно)... Уж извините, не могу не спросить: может, вы сам разведчик?

— В молодости хотел стать. Не сложилось по целому ряду обстоятельств, и сейчас я невероятно этому рад. Поверьте, писать о герое значительно проще, чем быть им.

— Собираете ли вы серию «ЖЗЛ»?

— Не могу сказать, что собираю, но целая полка «ЖЗЛ» у меня есть, включая издания еще советской поры. Из любимых... пожалуй, «Лев Толстой» Виктора Шкловского, «Мольер» Булгакова, книги Алексея Варламова о Шукшине, том же Булгакове и о другом Толстом — Алексее Николаевиче.

— Думали ли вы о том, что станете автором этой серии?

— Нет, и представить себе не мог.

— Тем не менее в 2016-м в «ЖЗЛ» вышла ваша первая книга — «Роман Ким».

— Да, это биография интересного писателя и разведчика уровня Зорге. По-моему, Роман Ким полностью соответствует моему понятию — «замечательный человек». Я почти случайно предложил уже готовую рукопись — и совершенно неожиданно получил согласие.

— Затем в «ЖЗЛ» вышла биография Василия Ощепкова. Не могли бы вы предельно кратко описать, что это был за человек, каков его вклад в отечественную и мировую историю?

— Родился на царской каторге, а погуб в советской тюрьме. Выпускник Токийской православной духовной семинарии, ставший профессиональным военным разведчиком. Один из первых наших нелегальных резидентов в Японии, предтеча Рихарда Зорге. Первый русский (и четвертый из европейцев) обладатель черного пояса по дзюдо; первый русский тренер, пропагандист, профессор дзюдо. Истинный создатель борьбы самбо и методики современного армейского рукопашного боя. Герой, доброе имя которого до конца не восстановлено и по сей день. Сейчас мы с единочачателями бьемся с московскими чиновниками за установку памятник Ощепкову и мемориальной доски на доме, где он жил.

— «Роман Ким», «Ощепков», «Зорге. Неудобный». В чем были особенности работы над каждой из этих книг?

— Материалы для «Ощепкова» я собирал примерно 20 лет. Книгу о Зорге мне заказала «Молодая гвардия», и потому, наоборот, всё пришлось делать быстро: за год. «Роман Ким», в отличие от двух вышеназванных, книга не оконченная. Это вообще в равной степени и биография, и детектив, финальная точка в котором не поставлена до сих пор. Расследование продолжается...

Есть у трех моих героев и кое-что общее. Во-первых, все они работали в Японии, были японоведами, хорошо знакомыми с реалиями этой страны, и, по сути, книги о них — это трехтомник, который хорошо бы читать подряд. Я тоже занимаюсь Японией и особо хочу подчеркнуть еще раз: я не разведчик, не историк спецслужб — я ничего в этом не понимаю. Мне интересны прежде всего люди, замечательные люди, японоведы, волею судеб оказавшиеся в этой стране в невероятно важный исторический период и сделавшие так много, что об этом просто нельзя забыть. Во-вторых, все три биографии написаны не только мной. Мне помогали очень многие люди — советовали, консультировали, переводили, присылали уникальные документы и воспоминания. Без них и без моего личного редактора М. Н. Бересневой у меня не получилось бы то, что получилось.

— Почему — «неудобный»?

— Одно из основных впечатлений от чтения документов по делу Зорге сводилось к пониманию, что этот человек высоко, но по заслугам ценил себя, и крайне редко был оценен по достоинству коллегами. Если он лишь играл роль, как это было во время его работы в качестве германского журналиста в Токио, его это мало волновало (хотя как раз немцы ценили его исключительно высоко). Хуже было, когда не доверяли свои, которым он был предан душой и телом, — от этого можно было и сорваться. Почему не доверяли? Он был неудобен. Непролетарского происхождения немец, всё делающий по-своему, да еще и добивающийся успеха, несмотря на игнорирование приказов руководства. Не стеснявшийся указывать начальникам на ошибки и недостатки в руководстве, требовавший работать исходя из чувства революционной преданности и коммунистической совести, а не потому, что «туда назначили». Кому это понравится? Когда же арестовали, немцы оказались в ужасном положении: друг посла, имевший допуск к его личному шифру, а следовательно, к высшим тайнам дипломатической переписки, — советский агент. Японцы же думали, как выкрутиться из положения, когда пришлось арестовать шпиона, представлявшего державу, с которой формально находились во вполне дружеских отношениях, а реально — на грани войны. В ужасном положении оказались и наши, замалчивавшие подвиг Зорге два десятилетия. Неудобно и сегодня: писать о его женщинах, потому что кому-то это кажется аморальным; признать, что он не знал точной даты нападения Германии на Советский Союз (хотя привыкли думать, что знал); отдавать должное его подвигу и мириться с отсутствием музея и даже мемориальной доски.

— Путешествовали ли вы по «зоргевским» местам, когда писали книгу?

— Не просто путешествовал, а даже выпустил в 2014 году книгу под названием «Шпионский Токио. История советской разведки в топографии Восточной столицы». Три ее основные главы посвящены Токио Василия Ощепкова, Романа Кима и Рихарда Зорге. Позже на японском языке вышла моя книга «Шпионы, которые любили Токио», текст которой, к сожалению, недоступен русскоязычному читателю, а это не просто перевод «Шпионского Токио». Там добавлено несколько совсем новых глав и исправлены многие ошибки и неточности, допущенные в русском издании. Да и вообще вся история моего изучения дела Зорге началась, когда, живя в Токио, мы с В. Э. Молодяковым решили найти место, где стоял дом советского разведчика.

— Удалось ли в итоге собрать «в полях» какой-то новый материал?

— Да. Например, в «Неудобном» появились сообщения относительно любви Зорге к мотоциклам, возникшие после того, как мы с моим токийским другом байкером нарезали несколько кругов по японской столице. С японским переводчиком «Шпионского Токио» мы нашли сохранившееся здание, в котором работал Зорге. В предыдущих моих работах оно, увы, было указано неверно. Теперь и эта, и некоторые другие ошибки исправлены.

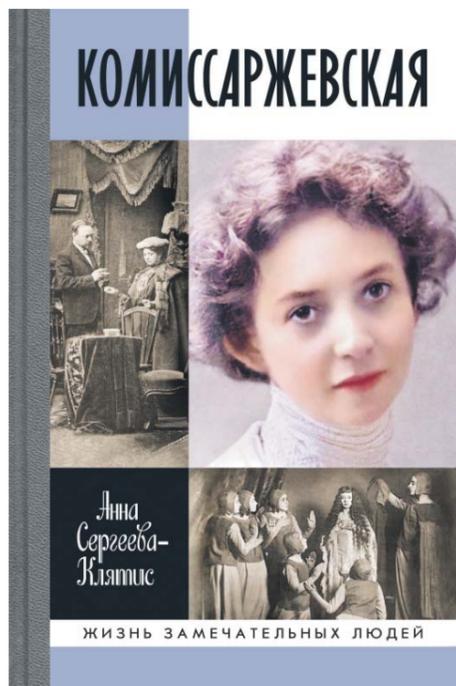
— Будущий разведчик был сыном от второго брака Густава Вильгельма Рихарда Зорге — с Ниной Семеновной Кобелевой. Получается, Зорге был наполовину русским. Осознавал ли он это? Была ли его русскость значимой для него?

— Японцы таких людей называют «хафу», то есть «половинка», хотя на самом деле правильнее было бы «даббур» — «двойной». Он, безусловно, знал, что его мама — русская, и поддерживал с ней связь как минимум до последней командировки в Японию, а возможно, и в ходе ее. Однако на самом деле, хотя многие авторы даже упирают на некую «внутреннюю русскость» Зорге, никаких доказательств тому, что он ощущал себя скорее русским, чем немцем, нет. До Второй мировой войны он четко идентифицировал себя как немца, а после стал убежденным коммунистом-интернационалистом, идея для которого была несравнимо более важна, чем происхождение.

— С осени 1933 года Зорге на постоянной основе жил в Токио. Какой отпечаток наложил на его жизнь и деятельность специфический для европейца японский климат?

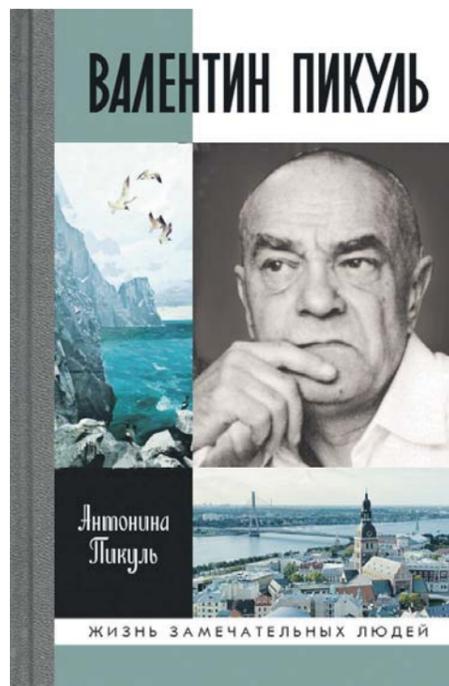
Окончание читайте на стр. 6

ЧАЙКА РУССКОЙ СЦЕНЫ

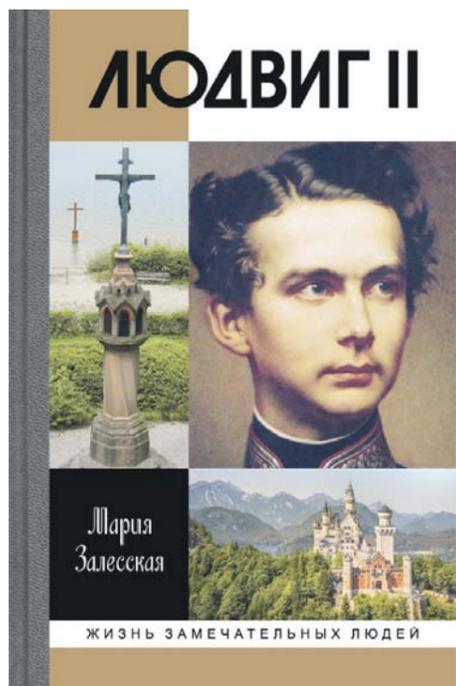
Имя Веры Федоровны Комиссаржевской (1864—1910) олицетворяет собой эпоху в истории отечественного театра. Современники восхищались ею и боготворили ее, награждая эпитетами почти пушкинского масштаба. В чем же феномен всеобщей влюбленности и всеобщего преклонения перед этой хрупкой женщиной? Почему именно она стала символом, объединившим несколько поколений? Как объяснить то, что актриса, добившаяся всенародного признания и невероятной славы, на пике своей карьеры бросила театр ради создания — ни больше, ни меньше — «школы нового человека»? И лишь трагическая смерть в самом расцвете сил не позволила ей приступить к выполнению этой невиданной ранее задачи... О жизни «Чайки русской сцены» — жизни, полной страданий и любви, громких триумфов и столь же громких неудач, крутых поворотов и вечных сомнений, рассказывает постоянный автор серии «ЖЗЛ», историк литературы, профессор Московского университета Анна Сергеева-Клятис, являющаяся «по совместительству» дальней родственницей великой русской актрисы.

И НА СУШЕ, И НА МОРЕ

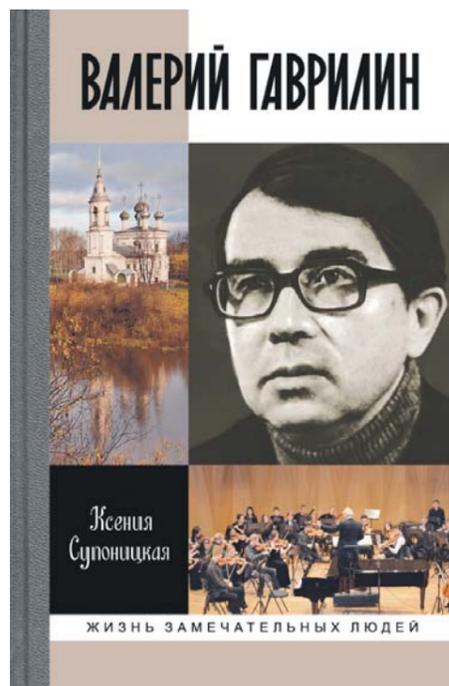
Валентин Саввич Пикуль (1928—1990) считал себя счастливым человеком: тринадцатилетним мальчишкой тушил «зажигалки» в блокадном Ленинграде — не помер от голода. Через год попал в Соловецкую школу юнг; в пятнадцать встал у штурвала эсминца «Грозный», а еще через год был назначен командиром боевого поста. Прощел войну — не погиб. На Северном флоте стал на первые свои боевые вахты, которые и нес, но уже за письменным столом, всю жизнь, пока не упал на недописанную страницу главного своего романа — «Сталинград». Диапазон его творчества простирается от эпохи Ивана Грозного до событий Великой Отечественной войны, охватывая пять веков. Каким был Пикуль — человек, писатель, друг, — тепло и доверительно рассказывает его жена и соратница. На протяжении всей их совместной жизни она заносила наиболее интересные события и наблюдения в дневник, благодаря которому теперь можно прочитать, как создавались крупнейшие романы последнего десятилетия жизни писателя. Этим жизнеописание Валентина Пикюля и ценно.

ЛУННЫЙ КОРОЛЬ

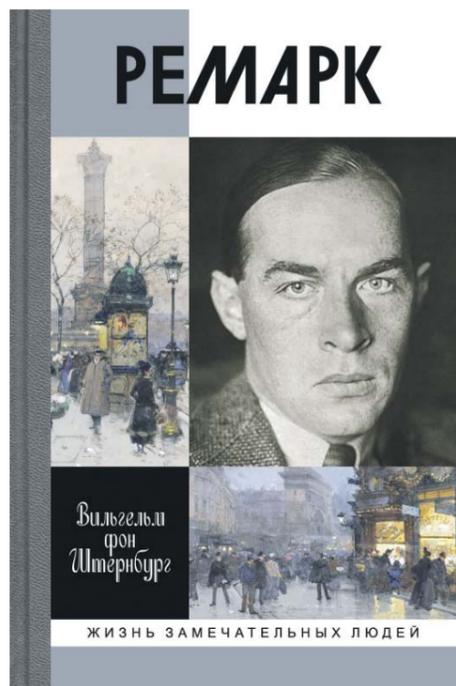
Людвиг II Баварский (1845—1886) — одна из самых загадочных и трагических фигур XIX столетия. Большинство историков называют его «безумным королем», оправдывая тех, кто лишил его власти. Он пытался быть средневековым абсолютным монархом в маленьком немецком государстве на излете Нового времени; покровительствовал людям искусства; дружил с композитором Рихардом Вагнером, российской императрицей Марией Александровной и австрийской императрицей Сиси. Он много сделал для объединения Германии, но пытался сохранить суверенитет своей Баварии, чьими «визитными карточками» до сих пор остаются построенные им замки. Его любил народ, но ненавидели собственные приближенные. Кто он — средневековый рыцарь в царстве циничной корысти или свихнувшийся гомосексуалист, транжиривший государственную казну на свои архитектурные чудачества? Людвиг говорил, что хотел бы остаться вечной загадкой. Мария Залеская пытается ее разгадать, раскрывая тайны жизни и гибели Людвига II — «короля-луны», героя не своего времени.

ТИХАЯ РУССКАЯ ПЕСНЬ

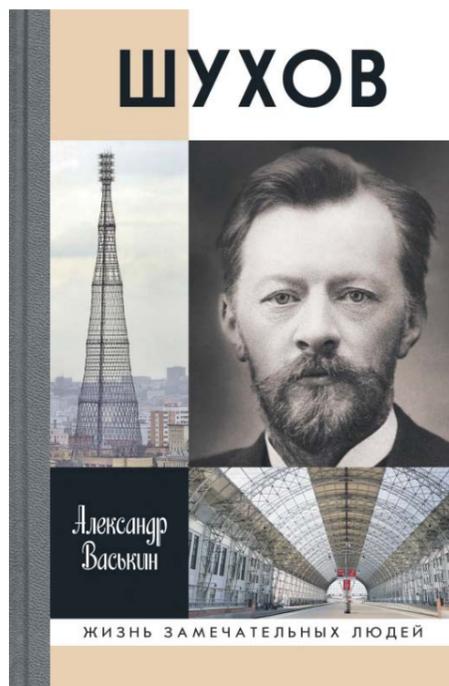
У музыканта, некогда прибывшего с Вологодчины, после выхода в свет его первого вокального цикла сразу нашлись и почитатели, и завистники. Но даже последние причисляли его к классикам русского музыкального искусства. Валерий Гаврилин (1939—1999) проложил свою тропу в музыке и хотя оставил не так много сочинений, но каждое в его наследии — на вес золота, выстрадано в продолжительных, порой многолетних поисках, в бессонных ночах и сосредоточенных думках. Он писал не для избранных, хорошо разбирающихся в тонкостях композиторской алхимии, а для всех. Воспел в своей музыке, — лучшей, искренней, как сами народные колыбельные, плачи, частушки, наигрыши, — родную землю, ее тревоги и горести, ее неизбывную, гнетущую тоску и особую, кроткую радость. «Музыка Гаврилина вся, от первой до последней ноты, напоена русским мелосом, чистота ее стиля поразительная. Из песен и хоров Гаврилина встает вольная, перезвонная Русь. Но это совсем не любовные экзотикой и архаикой, не музыкальное «штукарство» на раритетах древнего искусства. Это — подлинно», — писал о Гаврилине Георгий Свиридов.

«КАК БУДТО ВСЁ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ»

Эриха Марию Ремарка (1898—1970) можно смело назвать летописцем немецкой истории первой половины XX столетия. Начав с книги, принесшей ему мировую славу, он, подобно Эмилю Золя, нарисовал в своих романах грандиозную картину нравов своего времени — той совсем не далеко отстоящей от нас эпохи, которая оказалась отмеченной двумя мировыми войнами, террором, насилием, изгнанием людей с их родных мест, ложью и презрением к таким вроде бы неизменным человеческим ценностям, как любовь и дружба. В грозовой атмосфере тех лет складывалась и протекала личная жизнь Ремарка — с его преклонением перед женской красотой, тягой к комфорту и полотнам старинных мастеров, пристрастием к алкоголю. Известный историк и публицист Вильгельм фон Штернбург сумел создать такое жизнеописание, знакомясь с которым возникает неодолимое желание читать самого Ремарка — его романы, рассказы, стихотворения, эссе, письма, дневники. И ощущать при этом горечь одиночества, сердечное тепло и необоримость человеческого духа.

ПОКОРИТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВА

Радиобашня на Шаболовке, первый российский нефтепровод, крекинг для получения бензина, гиперболоиды, паровые котлы, резервуары, сетчатые перекрытия, водопровод, мосты и нефтеналивные суда, мины и батопорт, а еще самое высокое сооружение в России — с трудом верится, что всё это и многое другое придумал один человек — Владимир Григорьевич Шухов (1853—1939). Как его только не называют — русский Леонардо, человек-фабрика, наш Эйфель, рыцарь Серебряного века, а он был, прежде всего, русским инженером, обладавшим уникальными способностями и талантом, изобретения которого покорили временные и географические пространства, определив развитие мировой научной мысли на много лет вперед. Каким он был в жизни, кого любил, чем увлекался, как жил и творил при царях и большевиках и почему, несмотря ни на что, остался в России, 60 лет проработав на одном месте, — об этом рассказывает первая биография Владимира Шухова в серии «ЖЗЛ». Автор — известный писатель и историк Александр Васюкин.

Лев Данилкин представляет свою книгу «Ленин: Пантократор солнечных пылинок» на ММКВЯ—2017

ЛЕНИН КАК ЯВЛЕНИЕ

Такова уж новая демократия в России, что все семьдесят политических партий, как по команде, молчаливо и безучастно проводили в историю столетний юбилей Великого Октября, который отмечался в прошлом году. Но в самом конце 2017 года произошло событие сенсационное — победителем Национальной литературной премии «Большая книга» стал Лев Данилкин, автор биографии Ленина.

Доктор философских наук Семен Экштут в статье «Почему наука боится Ленина» («Российская газета», 7 ноября 2016 года) утверждал, что, чтобы написать биографию Ленина, нужно быть отважным человеком. Освоить колоссальный объем материалов, связанных с жизнью и деятельностью «вождя мирового пролетариата», одному человеку крайне трудно; вместе с тем сделать это необходимо, ибо Ленин — ключ к решению сложнейших проблем XXI века. «Полагаю, что в обозримом будущем следует ожидать появления амбициозного, работоспособного и вдумчивого исследователя, обладающего высокой продуктивностью интеллектуальной деятельности, который дерзнет реализовать это замысел», — писал Экштут.

Дерзнул Лев Данилкин.

Биографов Ленина — тьма, отечественных и зарубежных. Одни стремятся «монументализовать» личность Ленина, другие рьяно рвут на куски его тело и душу, всячески дискредитируют его политическую и государственную деятельность. Данилкин выбрал путь оригинальный и тернистый (и вместе с тем, как кажется, единственно верный): написать современную биографию Ленина. В течение пяти лет — пешком, на велосипеде, на перекладных — Данилкин следовал по ленинскому пути — от семейного порога до последних дней. И прошел эту дорогу не равнодушным созерцателем, не собирателем «компромата», а добросовестным исследователем, безукоризненно владеющим самым точным методом анализа сложнейших явлений жизни — материалистической диалектикой.

Данилкин подробно описывает первые ленинские шаги. В семье воспитывалось уважение друг к другу, к Родине, успешно прививались иностранные языки. В произведениях Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Добролюбова, Белинского, Чернышевского Ульяновы обнаруживали бездонный и чудесный мир души русского народа, его стремление к

свету, правде, справедливости. В гимназии молодой Ленин, наделенный природным умом, быстро овладел «мертвыми» языками — греческим и латынью — и через них впервые познакомился с идеями древних диалектиков и материалистов, усвоил трибунную логику Цицерона.

В гимназии сформировался его неподдельный интерес к проблемам социологии, экономики, политики, к произведениям Маркса и Энгельса. Тяжело переживая казнь родного брата, Ленин тем не менее сделал вывод, что добиться изменения общественно-политического строя террором невозможно, что нужно опереться на рабочий класс, сплоченный, организованный, осознающий свою особую миссию в грядущей социальной революции. Так Ленин с головой ушел в подлинно революционную работу, организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Если верить советским книгам, Ленин в любой ситуации легко находил верное решение. Данилкин же достоверно воспроизводит изнутри те же дискуссии, драматизм нервного и физического напряжения, изысканной интеллектуальной борьбы Ленина со своими авторитетными оппонентами.

К середине XIX века наша страна с преимущественно «азиатской» системой управления «заглохла» на огромном континентальном пространстве, быстро теряя свои позиции в мире, слабая изнутри. Нужно было запустить инновационные процессы, отказаться от адаптации старых элит, применить «созидательное разрушение». Словом, измениться, чтобы выжить! По Данилкину, Ленина — человека, нашедшего способ взять континент за горло, перетрясти его и перевернуть с ног на голову, потому что только так его можно было уберечь от гораздо большей катастрофы, — породили сами пространство и время. Но каким образом ему удалось справиться с этой титанической задачей?

Данилкин предлагает читате-

лю обратиться к «Философским тетрадам» Ленина. Это — не просто конспект чужих книг и не какие-то смешные заметки. Проникнув в самую глубину гегелевской диалектики, Ленин докопался до источника «самозарождающегося» движения, саморазвития — противоречивости всех явлений мира. Со временем эти явления трансформируются в свою противоположность, и на месте разрушенного старого стремительно возникает новое. Так Ленин превратился в генератор удивительных, головокружительных идей: от империалистической войны — к гражданской; «революционное поражение»; вся власть — Советам; ключ к будущему — революции в Третьем мире... Если допустить, что Ленин есть «инобытие» некоторой идеи, некий политический маршрутизатор, активированный в момент обострения идеологического конфликта, — то такой Ленин, пишет Данилкин, действительно многое объясняет...

С большим пиететом относится автор к литературному наследию Ленина. Помимо прекрасных «учебников по партийному строительству», Ленин оставил после себя и такие нетленные произведения, как «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм», «Государство и революция»... Жемчужиной этой литературной короны можно назвать его самую остроактуальную работу — «Империализм как высшая стадия капитализма». Тот, кто ознакомится с сотней этих емких, энергичных, искрящихся страниц, где с точки зрения экономиста раскрывается суть Первой мировой войны и дается ключ ко всей мировой истории XX века, не рискнет сказать, что Ленин устарел и никому сейчас уже не нужен.

Первая и Вторая мировые войны, как и последовавшая за ними война холодная, — это глобальный конфликт, порожденный не столкновением интересов наций, а капитализмом. Единственное разрешенное кризисного противоречия между

«разными капитализмами», между горсткой государств-ростовщиков и гигантским большинством стремящихся к избавлению от колонизаторов государств-заложников, — мировая революция.

Судьба капитализма и пролетарской революции в России, писал Ленин, зависит от того, как поведет себя крестьянство, составлявшее (по данным переписи 1897 года) 78 процентов населения страны. В своем анализе социально-экономической ситуации в крестьянской среде Ленин отверг метод «средних» показателей пользования землей, скотом, орудиями труда, так как этот метод скрывал истинное положение дел, искажал реальные факты.

Ленин показал, что в условиях капитализма крестьянство не однородно по социальному составу: меньшинство составляет мелкая буржуазия, а большинство — малоземельные, безземельные, безлошадные крестьяне, батраки. Т.е. капитализм порождает в деревне широкий слой наемной рабочей силы, и именно пролетарские массы крестьянства могут стать осознанными союзниками рабочего класса в предстоящей социальной революции. Так Ленин обосновал необходимость союза рабочего класса со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции и с беднейшим крестьянством — в революции социалистической.

К числу достоинств книги Данилкина следует отнести не только глубокое, вдумчивое прочтение ленинских текстов, но и решительный отпор, который он сумел дать всем желающим очернить имя Ленина. Вместо того чтобы заглядывать в замочную скважину, пытаюсь выяснить природу отношений Ленина с Крупской и Арманд, Данилкин советует перечитать некоторые страницы романа Чернышевского «Что делать?». Если вдруг обнаружится письмо Ленина к Арманд, тогда и возникнет предмет для разговора. А сейчас, резюмирует Данилкин, за неимением данных нужно остановиться и сказать себе: «Ignoramus et ignorabimus» — «Не знаем и не будем знать».

Данилкин аргументированно сбросил с рельсов пресловутый «вагон с немецким золотом», который якобы вез Ленин в апреле 1917 года. Доподлинно установлено, что все эти обвинения против Ленина были злонамеренно сфальсифицированы. Рассуждая здраво, мы не можем считать Ленина немецким агентом: тут и презумпция невиновности, и народная мудрость «не пойман — не вор», и, главное, простой здравый смысл: не было причин им быть!

Грозные критики, не желающие вникать в суть революционного времени, изображают Ленина кровавым организатором красного террора. Данилкин в ответ всесторонне и терпеливо показывает читателю, что террор при Ленине, Дзержинском и Троцком не был самоцелью, что «жестокость» была обусловлена не его психикой вождя, а обстоятельствами.

Данилкин приводит ряд интереснейших фактов, опровергающих взгляд на Ленина как на атеиста-фанатика. Ленин знал Библию и церковное право. В августе 1918 года за его подписью в «Известиях» появился список выдающихся имен отечественной и мировой культуры, в числе которых оказался... иконописец Андрей Рублев. По ленинской инициативе в Кремле стали реставрировать фрески Успенского собора. В личной библиотеке Ленина было много серьезных религиозных книг, касающихся личности Христа. На одном из заседаний Совнаркома он заявил: «Я никогда не собирался и не собираюсь сжигать молитвенники, ибо верю, что придет время, когда молитвенники исчезнут сами собой». Он не срывал крестики с членов

партии, он разрешил Поместному Собору 1917—1918 годов восстановить патриаршество. В Конституции 1918 года была статья о равном праве граждан на осуществление атеистической и религиозной пропаганды... И в книге приведено еще много свидетельств того, что Ленин не собирался ужесточать гонения на Церковь; обострение же во взаимоотношениях Церкви и государства началось во второй половине 1918 года, когда Патриарх Тихон выступил с резким посланием, предав советскую власть анафеме.

Та же сдержанная, напрочь лишённая истерики корректность — при рассмотрении вопроса о «политическом завещании» Ленина. Часть текстов «завещания» была опубликована еще при жизни Ленина и однозначно написана им: «Как нам реорганизовать рабкрин?», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации». Но есть и другая часть («Письмо к съезду», «Об автономизации», «Письмо Сталину» и др.), которая «материализовалась» в полном собрании сочинений Ленина из не вполне надежных источников. Возникли эти тексты не одновременно, не раз менялись их названия, не сохранились их автографы... Репутацией надежности эта часть «завещания» обязана свидетельствам лиц, у которых могла быть личная заинтересованность в том или ином развитии политической ситуации.

В тяжелейших условиях Гражданской войны, интервенции, разрухи Ленин страстно взялся за строительство новой жизни. Собственность, по его мнению, должна быть общественной, ибо только таковая обеспечивает безграничный потенциал развития; нельзя работать без плана, рассчитанного на длительный срок и серьезный успех; вместо конкуренции — социалистическое соревнование, оно обеспечит быстрое и широкое внедрение прогрессивных технологий. Капитализм — век пара, коммунизм — эпоха электричества.

Читатели, прошедшие вместе с автором книги по чрезвычайно насыщенной жизни Ленина, увидят в нем человека незаурядного. Ленин был удивительно трудолюбивым, абсолютно бескорыстным и честным человеком. Горький не раз подчеркивал, что Ленин прост, как сама правда, и что так искренне смеяться мог только честный человек. Все, кто общался с Лениным — от домработницы до вождя социалистической революции — отмечали его необычайную скромность. Ленин получал скромную зарплату, жил в казенной квартире и не имел ни яхт, ни дорогих автомобилей. Чем он не сказано дорожил, так это шкатулкой с письмами матери, а свою гимназическую золотую медаль отдал в фонд помощи голодающим.

Подзаголовок книги Данилкина о Ленине — «Пантократор солнечных пылинок» — у многих вызвал недоумение. Ведь пантократор — это иконографический облик Христа, который размещается в центре купола или конхе храма, откуда Он благословляет обращенную к Нему паству. Как же это так — Ленин в образе пантократора?! Но взгляните на известный фотопортрет Ленина: он тепло и приветливо смотрит на нас, по-доброму улыбается, а открытой ладонью правой руки притягивает к себе миллионы материализованных «солнечных пылинок» — человеческих душ, неуверенно стремящихся к своему Вседержителю.

Данилкин воздвиг Ленину новый пьедестал, но не из бетона, гранита или мрамора, а из множества удивительных фактов ленинской биографии, неразрывно связанных между собой материалистической диалектикой. Bravo, Данилкин!

«ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО» Несколько слов о детской и юношеской литературе в России

В 1990-е по отечественной культуре был нанесен страшный удар, и всеобщая гуманитарная деградация не могла не затронуть школу. Значительная часть нынешних школьников не обладает навыками функционального чтения: читая текст, молодежь не совсем понимает написанное. Даже отличники и абитуриенты вузов беззастенчиво признаются, что не читали ни «Войны и мира», ни других произведений русской классики.

Разрабатывается комплекс мер по модернизации образования. Речь идет о создании новой концепции преподавания всех предметов, о написании новых учебников, о повышении квалификации учителей... При этом, зная российский реалии, мы можем предположить, что на осуществление задуманного потребуется 5–10 лет, а это значит, что многие юноши и девушки так и уйдут во взрослую жизнь, не проникшись любовью к чтению. Но ведь именно оно — один из важнейших инструментов национальной педагогики.

Еще прежде школы ключевая роль в вопросе приобщения к чтению отводится семье. Все, кто связан с педагогическими проблемами, знают: ключ к становлению развитой, многогранной личности — в «прививке» любви к чтению в самом раннем возрасте.

Что для этого нужно? Государство создает благоприятные условия для читающих взрослых, взрослые — формируют соответствующую атмосферу у себя дома, для своих детей. Интерактивное, основанное на взаимодействии с малышом чтение вслух способно заметно ускорить развитие ребенка. Главная трудность — в деликатности общения с маленьким человеком, которую часто не проявляют даже образованные, искренне любящие книгу и ребенка родители.

Специалист Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Ольга Мясоед составила рекомендательный список книг для детского чтения. Оказывается, что общение с ребенком — это и наука, и, конечно, «прикладная дисциплина», требующая терпения и настойчивости. Да, родителям придется потратить много времени, но в этом — залог гармоничного развития их чада.

История детской книги в России уходит в глубь веков. Вспомним усилия первых лет после установления на Руси христианства, когда

князья отбирали талантливых детей для обучения чтению и письму. В XVII веке было напечатано более 300 тысяч азбук и букварей, первый из которых вышел в Москве в 1657 году. Появилась и историческая литература для детей и подростков.

Значительный след в воспитании молодых поколений оставил поэт, богослов, просветитель Симеон Полоцкий (1629–1680). В числе его учеников были дети царя Алексея Михайловича — будущий царь Федор, царевна Софья. Симеону удалось привить своим подопечным любовь к стихотворениям и культуре в целом, тягу к образованию. В сборник «Рифмологий, или Стихослов» вошли стихи на разные случаи из жизни царской семьи. Сборник «Вертоград многоцветный» был попыткой создания поэтической энциклопедии.

В царствование Петра I и Екатерины II отечественное книгоиздание совершило огромный рывок. Прежде всего издавались переводы по точным наукам, военному делу, строительству, ремеслам. Но не были забыты и издания для детей и молодежи, для семейного чтения. В эпоху Петра книг было издано больше, чем за все предшествующие годы существования русского книгопечатания. Царь очень рано начал учить своих детей грамоте; будучи в походах и поездках, с удовольствием вел с ними «взрослую» переписку. Самая известная книга петровской эпохи — это «Юности честное зеркало» (1717) — сборник правил поведения при дворе для юношей и девиц. «Краткую русскую историю» и «Первое учение отрокам» написал сподвижник Петра Феофан Прокопович.

Екатерина II стала создательницей целой детской педагогической системы. В числе ее собственных книг — «Российская азбука с гражданским учением», «Продолжение начального чтения», «Выбранные российские пословицы. Сборник нравоучительных приме-

ров», «Сказка о царевиче Хлоре», «Сказка о царевиче Февее».

В XVII–XVIII веках юные русские читатели получили возможность познакомиться с лучшими произведениями западноевропейской литературы — сказками Шарля Перро, романами «Дон Кихот» Сервантеса, «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта, «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

Адресатом последнего письма Пушкина, написанного 25 января 1837 года, за несколь-

ко часов до роковой дуэли, была Александра Ишимова — автор сочинения «История России в рассказах для детей». Пушкину нравился слог молодой писательницы; за пять дней до дуэли Александр Сергеевич попросил Ишимову, хорошо владевшую английским, перевести ему очерки Барри Корнуолла. Впоследствии большую популярность приобрели и другие произведения Ишимовой.

Громадную работу по созданию детской литературы проделал Лев Николаевич Толстой. Классикой детского чтения считаются такие его произведения, как «Севастопольские рассказы», трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность». Открыв в Ясной Поляне школу

для крестьянских детей, граф сам преподавал в ней, утверждая новые принципы обучения и развития детей, отличные от официальных государственных, убивавших, по его мнению, и душу, и разум. В 1872 году увидела свет четырехтомная толстовская «Азбука». В 1904 году Толстой представил и другой результат своего многолетнего труда — двухтомник «Круг чтения» с подзаголовком «Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении».

Тысячелетняя история российской литературы вобрала в себя богатый опыт создания детской, подростковой, молодежной книги, приобщения новых поколений к мировому интеллектуальному наследию. Вместе с тем су-

ществующие ныне проблемы детского чтения — как, впрочем, и всего книгоиздания в целом — необходимо решать посредством масштабной государственной программы. По состоянию же дел на настоящий момент можно смело констатировать, что круг подвижников, занимающихся созданием детской литературы, совершенно не соответствует огромным российским просторам. Тем большего восхищения заслуживает тот факт, что и в нынешних условиях на прилавках наших книжных магазинов всё же появляется детская книга столь высокого уровня.

Валентин Юркин

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЕНТЯБРЬ 2017 – ФЕВРАЛЬ 2018

Книги, вышедшие в сериях «ЖЗЛ» и «Живая история: Повседневная жизнь человечества», а также внесерийные издания.

Эдуард Стрельцов / Владимир Галедин. — ЖЗЛ — 438[10] с.: ил. — Вып. 1668.

Саврасов / Екатерина Скоробогачева. — ЖЗЛ — 309[11] с.: ил. — Вып. 1669.

Леонид Гайдай / Евгений Новицкий. — ЖЗЛ — 413[3] с.: ил. — Вып. 1682.

Игорь Северянин / Вера Терехина, Наталья Шубникова-Гусева. — ЖЗЛ — 399[1] с.: ил. — Вып. 1671.

Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи: Анатолий Мариенгоф, Борис Корнилов, Владимир Луговской / Захар Прилепин. — ЖЗЛ — 739[5] с.: ил.

Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей / Станислав Аристов. — 319[1] с.: ил.

Повседневная жизнь старобрядцев / Кирилл Кожурин. — 2-е изд. — 555[5] с.: ил.

Виктор Лягин. Подвиг разведчика / Александр Бондаренко. — ЖЗЛ — 359[4] с.: ил. — Вып. 1648.

Де Голь / Марина Арзаканян. — ЖЗЛ — 2-е изд., испр. и доп. — 301[3] с.: ил. — Вып. 1680.

Александр III / Александр Мясников; предисл. епископа Тихона (Шев-

кунова). — ЖЗЛ — 2-е изд., перераб. и доп. — 604[4] с.: ил. — Вып. 1661.

Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 5-е изд. — 367[1] с.: ил. — Вып. 1689.

Прозрачные стены / Джордж Блейк. — Дело №... — 2-е изд. — 350[2] с.: ил.

Белые / Вячеслав Бондаренко. — 687[1] с.: ил.

Красные / Ярослав Леонтьев, Евгений Матонин. — 799[1] с.: ил.

Заболоцкий: Иволга, леса отшельница / Валерий Михайлов. — ЖЗЛ — 652[4] с.: ил. — Вып. 1676.

Максим Аммосов / Олег Сидоров. — ЖЗЛ — 361[7] с.: ил. — Вып. 1683.

Высоцкий / Владимир Новиков. — ЖЗЛ — 8-е изд. — 492[4] с.: ил. — Вып. 1692.

Ким Филби / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 247[9] с.: ил. — Вып. 1694.

Фитин / Александр Бондаренко. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 398[2] с.: ил. — Вып. 1696.

Повседневная жизнь пушкинской

Одессы / Ольга Елисеева. — 413[3] с.: ил.

Украинская война: Вооруженная борьба за Восточную Европу в XVI–XVIII вв. Кн. 2: Турецкий прорыв: Балканы — Причерноморье — Кавказ (до конца XVI в.) / Владимир Широков. — 700[4] с.

Суриков / Татьяна Ясникова. — ЖЗЛ — 455[9] с.: ил. — Вып. 1672.

Царь Алексей Тишайший: Летопись власти / Вячеслав Козляков. — ЖЗЛ — 650[6] с.: ил. — Вып. 1685.

Иван IV Грозный: Царь-сирота / Дмитрий Володихин. — ЖЗЛ — 341[11] с.: ил. — Вып. 1684.

Герои Сталинградской битвы / Илья Родимцев, Светлана Аргасцева; под ред. И. А. Родимцева. — ЖЗЛ — 360[8] с.: ил. — Вып. 1701.

Вергилий / Михаил Бондаренко. — ЖЗЛ — 328[8] с.: ил. — Вып. 1690.

Серафим Саровский / Валентин Степашкин. — ЖЗЛ — 587[5] с.: ил. — Вып. 1686.

Максим Загорюлько: Солдат, ученый, сталинградец / Анатолий Житнухин. — ЖЗЛ — 326[10] с.: ил. — Вып. 1700.

Конон Молодой / Владимир Антонов. — ЖЗЛ — 216[8] с.: ил. — Вып. 1691.

Франциск Ассизский / Анна Ветлугина. — ЖЗЛ — 281[7] с.: ил. — Вып. 1693.

Гойя / Александр Якимович. — ЖЗЛ — 259[13] с.: ил. — Вып. 1695.

Олег Вещий. Великий викинг Руси / Евгений Пчелов. — ЖЗЛ — 261[11] с.: ил. — Вып. 1699.

Александр Шморель / Игорь Храмов. — ЖЗЛ — 212[12] с.: ил. — Вып. 1703.

Царевна Софья / Виктор Наумов. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 367[1] с.: ил. — Вып. 1710.

Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях / Дмитрий Быков. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 716[4] с.: ил. — Вып. 1704.

Солженицын / Людмила Сараскина. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 959[1] с.: ил. — Вып. 1681.

Ленин: Пантократор солнечных пылинок / Лев Данилкин. — ЖЗЛ — 2-е изд., испр. — 911[1] с.: ил. — Вып. 1716.

Северянин: «Ваш нежный, ваш единственный...» / Владимир Бондаренко. — «ЖЗЛ»: Малая серия — 409[7] с.: ил. — Вып. 111.

Повседневная жизнь Пушкиногорья: Сельцо Михайловское и его обитатели. От Александра Сергеевича до Семена Степановича / Анна Сергеева-Клятиш. — 335[1] с.: ил.

Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы / Георгий Андреевский. — 3-е изд. — 557[3] с.: ил.

Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы / Георгий Андреевский. — 3-е изд. — 447[1] с.: ил.

Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежнев / Александр Васькин. — 2-е изд. — 671[1] с.: ил.

Ленин: Письмо тотемами / Лев Данилкин. — 557[3] с.: ил.

Тибериус / Игорь Князький. — ЖЗЛ — 371[13] с.: ил. — Вып. 1718.

Спиноза: Разоблачение мифа / Петр Люкимсон. — ЖЗЛ — 383[1] с.: ил. — Вып. 1714.

Легендарные разведчики-2 / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 414[2] с.: ил. — Вып. 1724.

Бетанкур / Дмитрий Кузнецов. — ЖЗЛ — 472[8] с.: ил. — Вып. 1720.

Хемингуэй / Максим Чертанов. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 531[13] с.: ил. — Вып. 1674.

Суворова / Вячеслав Лопатин. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 447[1] с.: ил. — Вып. 1697.

Валентин Распутин / Андрей Румянцев. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 447[1] с.: ил. — Вып. 1715.

Никколо Макиавелли / Кристина Жиль. Пер. с фр. М. А. Руновой; Науч. ред., вступ. слово В. Д. Балакина. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 240[16] с.: ил. — Вып. 1698.

Столыпин / Святослав Рыбас. — ЖЗЛ — 6-е изд. — 429[3] с.: ил. — Вып. 1706.

Екатерина Великая / Ольга Елисеева. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 635[5] с.: ил. — Вып. 1712.

Михаил Тверской / Николай Борисов. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 284[4] с.: ил. — Вып. 1711.

Петр и Феврония: Совершенные супруги / Ирина Левина, Дмитрий Володихин. — ЖЗЛ: Малая серия — 2-е изд. — 245[11] с.: ил. — Вып. 112.

Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / Сергей Яров. — 3-е изд. — 313[7] с.: ил.

«ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО» АЛЕКСАНДРА КУЛАНОВА

Шпионский Токио

Окончание.
Начало читайте на стр. 1, 2

— Известно, что «Рамзай» ненавидел летнюю токийскую жару и всепроникающую влажность. В книге об этом рассказано довольно подробно — на основании писем самого резидента и воспоминаний его радиста Макса Клаузена. Представьте себе процесс шифровки и передачи сообщений в наглухо закупоренной комнате при температуре около 40 градусов и абсолютной влажности. Это был своего рода токийский «хаммам» на протяжении нескольких часов: к пару еще примешивался дым, которым пытались травить злых комаров. И так по несколько раз в неделю...

— Зорге как журналист, японовед, специалист по сельскому хозяйству, геополитике — как он был в этих ипостасях?

— В некоторых он был просто хорош, а в некоторых — великолепен. Зорге ведь не работал репортером, он был журналистом-аналитиком, что подразумевает очень высокую степень понимания освещаемых проблем. Ранее, в Китае, он много писал для аграрных журналов, имея степень доктора (по-нашему — кандидата) наук в области экономики сельского хозяйства, и он хорошо разбирался в дальневосточном рынке соевого шрота. В Японии же ему понадобилось глубоко вникнуть в основы японской экономики, политики, даже психологии, и равных ему европейских журналистов-японоведов было в то время немного. Сам Зорге говорил, что если бы он не стал шпионом, то стал бы ученым, японоведом.

Что касается геополитики, то это апофеоз работы Зорге. Глубокое осмысление глобальных политических процессов дало ему возможность практически на равных общаться с отцом-основателем германской геополитики Хаусхофером и давать советы его ученику — германскому послу в Японии генералу Отту; а кроме того, влиять — через своего друга и агента Одзаки — на принятие решений японским правительством принца Коноэ.

— Многих волнует тема личной жизни Зорге. Насколько я знаю, все его жены и возлюбленные были исключительно европейками. Японкой была только одна — но именно с ней связана, пожалуй, самая трогательная, трагическая, душераздирающая история...

— У Зорге было две жены, которые носили этот статус более или менее официально (бумаг, подтверждающих факт браков, не обнаружено и, скорее всего, документов таких никогда не было): немка Кристиана Герлах и русская Екатерина Максимова. Возлюбленных было много — и японки в их числе. Одна из них действительно вошла в историю: девушка по имени Ханако Исии после войны добилась от властей тюрьмы, где был повешен Зорге, разрешения эксгумировать его останки. После кремации она перезахоронила их на городском кладбище, воздвигла первый памятник Зорге и написала о нем три книги (или, фактически, одну, состоящую из трех частей). Книги чрезвычайно интересные, никогда до сих пор на русский язык не переводившиеся. В ближайшем будущем это наконец должно произойти — не сомневаюсь, что Зорге откроется нам с неожиданной сто-

роны. Да и саму Ханако нередко представляют в совершенно неверном свете. Один автор дописался недавно до того, что — ввиду незначительности японских реалий и по неконтролируемости собственной фантазии — счел ее проституткой.

— На Западе из Зорге пытались слепить эдакого русского Джеймса Бонда. Импонирует ли вам такое сравнение?

— Я люблю Джеймса Бонда, а один из читателей Рихарда Зорге, советский писатель Роман Ким, понимая важность создания романтического образа разведчика, призывал в свое время к «советскому ответу» герою Флеминга. При этом понятно, что роднят агента 007 и резидента «Рамзая» только невероятные шарм и харизма. Бонд сражался пистолетом и кулаками, Зорге — исключительно интеллектом, хотя при случае не отказывал себе в удовольствии заехать в морду особенно не понравившемуся ему типу. В результате же советским ответом на Джеймса Бонда стал Штирлиц — Юлиана Семенова на создание этого персонажа вдохновил Роман Ким, и, конечно, Штирлиц вообрал в себя ряд черт Зорге.

— Вы пишете, что точной даты нападения Германии на СССР Зорге в Москву не сообщал по одной простой причине — что он этой даты не знал и знать не мог. Откуда же возник этот растиражированный миф — что Зорге предупреждал многократно, а Сталин ему раз за разом не верил?

— Признаюсь, что, когда я окончательно убедился, что нет — не сообщал, я не стал раскручивать историю о сотворении мифа до конца. Развенчание мифов вообще не входило в мои планы, мне надо было написать книгу на основе фактов. Факты же говорят: нет, дата 22 июня 1941 года Зорге известна не была. Он лишь писал, что война начнется в районе 15 июня (или во второй половине июня), что главный удар будет нанесен на левом фланге гитлеровской группировки. А то, что Сталин не верил... Он никому не верил, кроме себя.

— Ненависть Сталина к Зорге — тоже миф?

— Видимо, да. Долгое время Сталин вообще не знал, что резидент «Рамзай» в Токио — это Рихард Зорге. Шифровки, что подавались на стол вождя, были под псевдонимом. Либо готовились документы со ссылкой на Ику Зонтера — под этим именем Зорге проходил в служебных документах Штаба РККА. Лишь на финальном этапе работы токийской резидентуры, когда стало ясно, что ее деятельность и лично фигура резидента приобретают для советского государства определяющий характер, Сталин затребовал дело Зонтера и узнал, кто такой «Рамзай» на самом деле. И, даже если он вспомнил, что в конце 1920-х годов Зорге был относительно близок к репрессированному Бухарину, это ничего не меняло. Вообще же Зорге был значительно ближе к расстрелянным Берзину и Урицкому, многим другим репрессированным разведчикам и контрразведчикам. Нельзя сказать, чтобы сам Сталин лично не доверял Зонтеру. С 1937 года — со времен массовых сталинских репрессий — Зонтеру не доверяло разведывательное начальство. Ведь это был иностранец, связанный с уничтоженными «врагами народа», имевший разрешение на игру с германской разведкой, добивавшийся подозрительно больших успе-

хов и выходивший победителем из самых сложных ситуаций. Советское командование крайне халатно относилось к руководству его резидентурой (некоторые — важнейшие! — шифровки «Рамзая» не переводились и не докладывались руководству много месяцев!), к вопросам конспирации и прикрытия, что в результате и привело к провалу. Не личная ненависть Сталина, а сталинская система репрессий и запугивания, замены профессионалов на преданных, но необученных бездарей — словом, выражаясь современным языком, крайне неэффективный, преступный менеджмент — вот что погубило токийскую резидентуру и привело к грандиозным человеческим жертвам вообще.

— Казнен Зорге был уже в конце войны — 7 ноября 1944 года. Был ли шанс спасти его?

— Теоретически шанс был, но все слухи о каких-то торгах за него с японцами, судя по документам, тоже миф. Зорге нарушил главное правило советской разведки: после ареста, изблещенный показаниями всех взятых к тому времени членов группы, он признал связь с этой самой разведкой, хотя и тщатель-

— Какова была судьба тех, кто входил в группу Зорге?

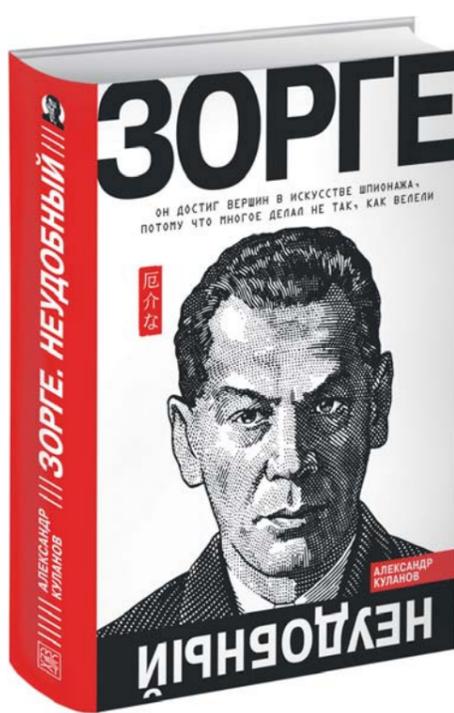
— Японским следствием было выявлено 35 человек, входивших в так называемое «кольцо Зорге». Некоторым представителям японской аристократии удалось избежать преследований. Кое-кому из агентов, как я понимаю, вообще удалось остаться незамеченными. Большинство же арестованных получили длительные сроки тюремного заключения, и, хотя до конца войны оставалось не так уж долго, далеко не все смогли дожить до освобождения. Из основной пятерки сам Зорге и Хоцуми Одзаки, его ближайший друг и сподвижник, нештатный советник премьер-министра Японии, были повешены. При этом Зорге стал первым иностранцем, казненным в Японии по приговору суда. Югослав Бранко Вукелич умер в тюрьме от истощения, голода и холода. Японец Ётоку Мияги, страдавший туберкулезом, не дождал даже до окончания судебных слушаний. А вот приговоренный к пожизненному заключению и первый начавший говорить после ареста радист Макс Клаузен, за большое сердце которого Зорге всегда особенно волновался, благополучно дожил до 1979 года и мирно скончался на улице Рихарда Зорге в Берлине.

— Были ли у Зорге пересечения с героями других ваших книг — Романом Кимом, Василием Ощепковым?

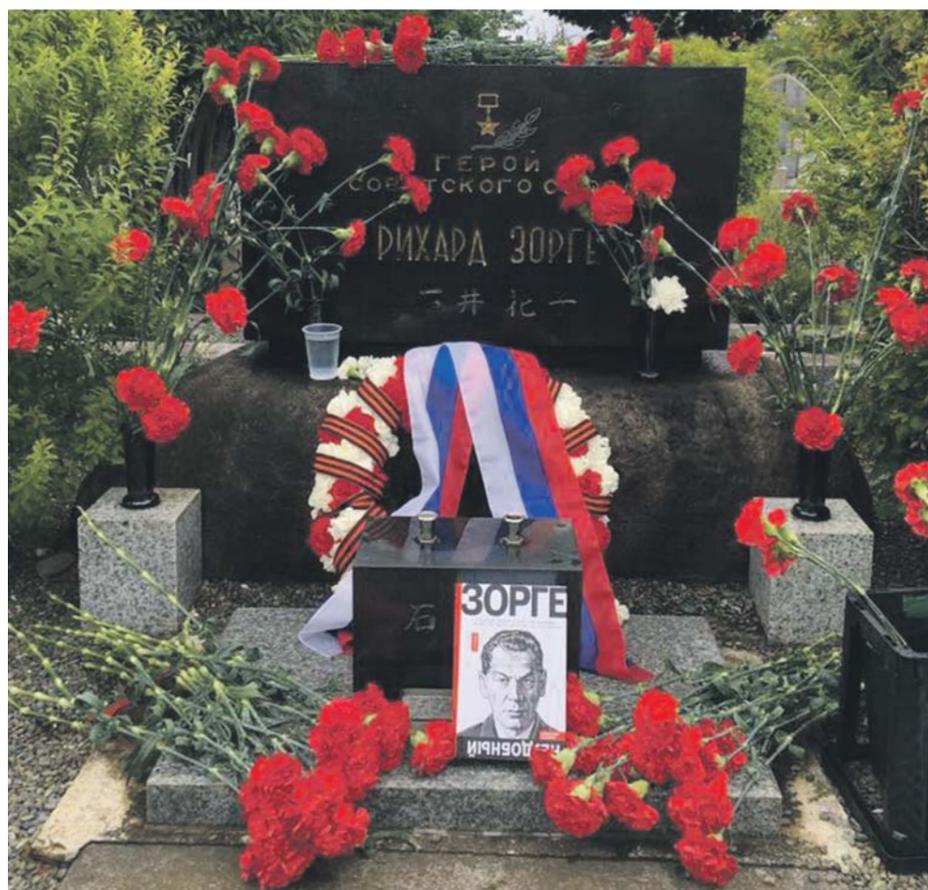
— Роман Ким учился у Василия Ощепкова искусству борьбы и близко дружил с сотрудником японского отделения Разведупра Владимиром Константиновым, готовившим Зорге к командировке в Японию, а затем служившим каналом личной связи «Рамзая» с Екатериной Максимовой. Зорге приехал в Токио на место Ощепкова. В 1937 году были арестованы Ким и Ощепков. Первый чудом выжил, второй умер от удушья в Бутырской тюрьме. В 1938-м взяли Константинова, а в 1942-м — Максимова. Первый выжил, вторая умерла от истощения в сибирской ссылке. В 1963 Роман Ким рассказал студентам Института востоковедения о советском разведчике Рихарде Зорге. После выступления одна из сотрудниц института написала на Кима доклад в КГБ, обвиняя его в прославлении «нацистского журналиста». Она ведь, конечно, не знала, что Роман Николаевич даже на склоне лет оставался одним из авторитетнейших экспертов КГБ по противостоянию японской разведке. В своей последней книге он назвал Зорге «советским ниндзя».

Сергей Коростелев

Полную версию интервью читайте на сайте — gvardiya.ru — в разделе «Наши эксклюзивы»

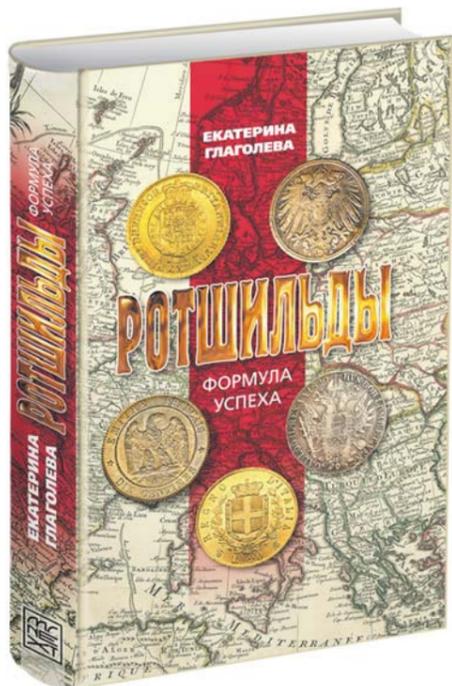

но старался не дать понять японцам, с какой именно из спецслужб СССР он сотрудничал. Да и клеймо подозрительного агента, висевшее на нем с 1937 года, никто не снимал, так что интереса спасать его у Кремля не было.

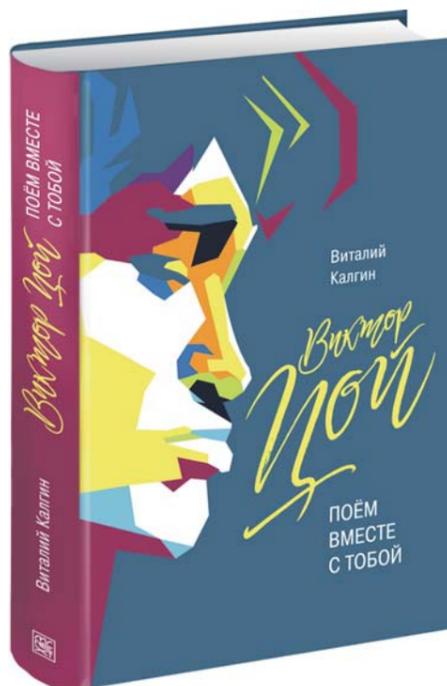
Могила Зорге и Ханако Исии (кладбище Тама, Токио). Май 2018

ФОРМУЛА УСПЕХА

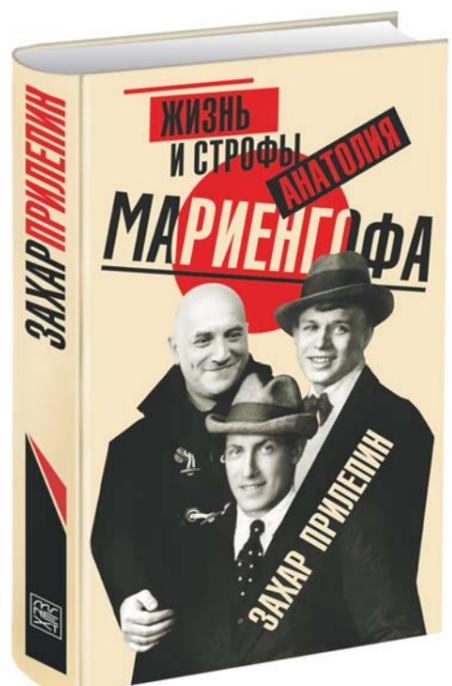
Имя Ротшильдов давно превратилось в синоним власти и денег. Их называли банкирами королей и королями банкиров. Выходцы из франкфуртского гетто получили баронские титулы и заседали в парламентах Германии, Франции и Англии, вкладывали деньги в нефтедобычу, рудники и железные дороги, торговали хлопком, шерстью и табаком на пяти континентах. Коллекционеры предметов старины и произведений искусства, конезаводчики и виноделы, писатели, ученые, автогонщики, путешественники... Они участвовали в борьбе против фашизма, основали многочисленные благотворительные фонды и внесли огромный вклад в создание государства Израиль. В истории семьи были долгие жизни и таинственные смерти, крепкие браки и адюльтеры, дуэли и политические скандалы. Ротшильды — объект многочисленных теорий заговора. Несмотря на череду кризисов и потрясений, они уже третий век являются неотъемлемой частью каждой исторической эпохи. Верные семейным традициям, они не сделали их догмой и еще не сказали своего последнего слова.

ПОЁМ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ

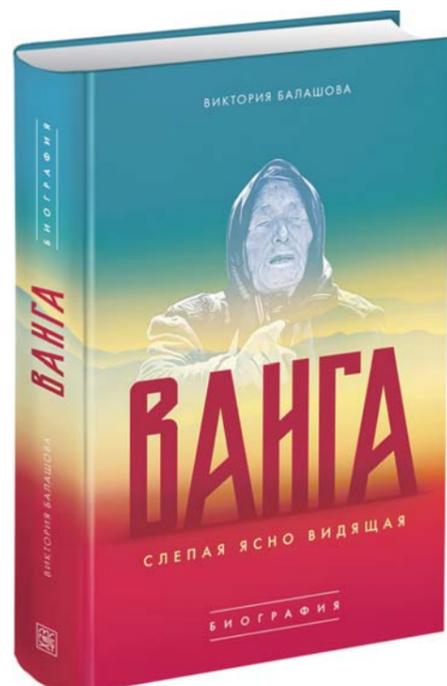
Виктор Цой (1962—1990) был обыкновенным ленинградским мальчишкой, но на пике 1980-х именно он стал совестью и голосом своего поколения. А в августе уже далекого 1990 года он, проживший короткую, но ослепительную в своей простоте жизнь, в одно мгновение превратился в легенду, став примером для сотен тысяч молодых людей. Виталий Калгин рассказывает о Викторе Цое — художнике и музыканте, лидере ленинградской рок-группы «КИНО». Более двадцати лет назад Цой погиб в автокатастрофе, но по-прежнему остается звездой по имени Солнце. До сих пор его музыку можно услышать и на волнах какого-нибудь модного радио, и из окон студенческого общежития, и из салона элитной иномарки. Смерть Цоя воистину стала его вторым рождением. В книге показан мир ленинградской рок-тусовки 1980-х годов, использованы некоторые ранее не опубликованные свидетельства и материалы из личных архивов, уникальные фотографии, позволяющие создать правдивую картину жизни, творчества и трагической смерти кумира советской молодежи.

ЖИЗНЬ И СТРОФЫ МАРИЕНГОФА

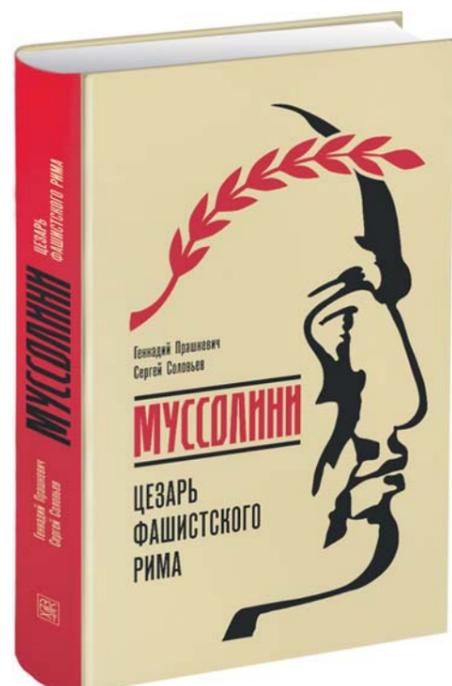
Поэт Анатолий Мариенгоф (1897—1962), модернист, революционный эксцентрик, мастер эпатажа, основатель «Ордена имажинистов», известен в основном как автор мемуарного «Романа без вранья» (1927) о дружбе с Сергеем Есениным. И сейчас, почти век спустя, «Роман...» полемически волнует литературную общественность («вранье без романа», «троянский конь репутации Есенина»). Творчество самого Мариенгофа наши нигилисты причислили к навечно запрещенному. Захар Прилепин очищает его биографию от слухов/домыслов, старается объективно ответить на вопрос, которым задавался сам поэт: «Какой земли, какой страны я чадо? / Какого племени мятежный сын?» Знакомит читателей с разносторонним творческим наследием не только поэта, но также прозаика, драматурга, чьи пьесы и ныне идут в театрах. Не обходит стороной и его семейную «драматургию» однолюбавревнивица-скандалиста, и личные удары судьбы... К тому же Прилепин готовит к печати жизнеописание Есенина — и может действительно сложиться роман без вранья.

СЛЕПАЯ ЯСНО ВИДЯЩАЯ

Жизнь знаменитой болгарской пророчицы Ванги (1911—1996) — это рассказ о женщине, которая вынуждена была начать делать предсказания, просто чтобы заработать на пропитание, но впоследствии так и не смогла оставить данное занятие. Она пережила голод, нищету и болезни. Однако, когда в ее дом пришел достаток, слишком многие захотели воспользоваться этим. Незрячая женщина не познала ни счастья в личной жизни, ни удовлетворения от своей работы, ни человеческого тепла. Ею пользовались, обманывали, пытались извлечь максимум из ее популярности. Ванга не видела, но многое чувствовала, не в силах изменить ход событий. Она советовала, предсказывала, лечила, когда появилась возможность, устраивала праздники, на которые стекалась масса народу. Но умерла полностью разочарованной в людях, с горечью осознавая собственное одиночество. Ей не удалось справиться со своими проблемами, предсказать себе более счастливую судьбу. Невыносимым бременем назвала пророчица свою жизнь, полную лишений и страданий.

ФАШИСТСКИЙ ЦЕЗАРЬ

«Вы ненавидите меня потому, что всё еще любите, — бросил Бенито Муссолини в лицо своим оппонентам с трибуны. — Невозможно изменить свою душу... Время покажет, кто был прав». Кем он только не был! Анархистом и социалистом, основателем фашистского движения, диктатором Италии, немецкой марионеткой и... талантливым актером, разыгрывавшим свою собственную партию на сцене мировой политики. Уинстон Черчилль называл его «новым Цезарем XX века и лучшим законодателем среди ныне живущих», а Папа Римский Пий XII сказал, что он «величайший из людей, которых я знаю, и один из наиболее добродетельных». Что скрывала эта поза, чем жил человек, которого весь мир знал как дуче? Новая книга Геннадия Пращкевича и Сергея Соловьева — это не просто биография Бенито Муссолини (1883—1945), это его портрет на фоне целой исторической эпохи и размышления о таланте, использованном во вред своей стране и человечеству. Книга адресована всем, кто интересуется ролью отдельной личности в мировой истории XX века.

«Я ШАГАЮ ПО МОСКВЕ»

Никита Михалков — один из самых известных кинорежиссеров и актеров России — как всякий выдающийся человек, оброс мифами, легендами, слухами, домыслами. Автор книги Михаил Крупин, писатель, драматург, сценарист, прежде всего рассказывает о своем герое как о создателе знаменитых фильмов — «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», «Родня», «Очи черные», «Урга — территория любви», «Утомленные солнцем», «Сибирский цирюльник», «Солнечный удар» и других. Представлен он и как несравненный актер, запомнившийся зрителям с первой же картины «Я шагаю по Москве». Не обошел автор и сложившуюся вокруг героя мифологию, дающую представление о ярком, неоднозначном, а порой и детективном мире кино. В жизнеописании цитируются записные книжки, дневники Михалкова, воспоминания его друзей и недругов, другие «документы эпохи»... Словом, книга — весьма полезна и, надеемся, читатель скучать не будет.

05-09
СЕНТЯБРЯ 2018

ВДНХ
ПАВИЛЬОН 75

ЖДЕМ ВАС НА МОЛОДОГВАРДЕЙСКОМ СТЕНДЕ – D4—E3!

5 СЕНТЯБРЯ, СРЕДА

13.00 – 13.45 – М. В. Крупин «Никита Михалков»
14.00 – 14.45 – А. А. Васькин «Шухов»
15.00 – 15.45 – Д. Б. Гришин «Елизавета Федоровна»
16.00 – 16.45 – Л. А. Данилкин «Ленин: Письмо тотемами»
17.00 – 17.45 – О. Г. Сидоров «Платон Ойунский», «Максим Аммосов», «Михаил Николаев»

6 СЕНТЯБРЯ, ЧЕТВЕРГ

12.00 – 12.45 – В. С. Антонов «Конон Молодой», «Павел Судоплатов»
13.00 – 13.45 – А. Е. Куланов «Зорге. Неудобный»
14.00 – 14.45 – И. А. Родимцев «Герои Сталинградской битвы»; А. П. Житнухин «Максим Загорюлько»
15.00 – 15.45 – М. К. Залеская «Людвиг II»
16.00 – 16.45 – О. И. Елисеева «Повседневная жизнь пушкинской Одессы»; «Екатерина Великая»

7 СЕНТЯБРЯ, ПЯТНИЦА

12.00 – 12.45 – В. И. Галедин «Лев Яшин», «Эдуард Стрельцов»; П. А. Васильев, О. Ю. Лыткин «Гвардия советского футбола»

13.00 – 13.45 – А. А. Горбунов «Лобановский», «Анатолий Тарасов»; М. И. Щеглов «Всеволод Бобров»
14.00 – 14.45 – Е. В. Матонин «Красные»
15.00 – 15.45 – Д. М. Володихин «Иван IV Грозный»
16.00 – 16.45 – Д. И. Кузнецов «Бетанкур»

8 СЕНТЯБРЯ, СУББОТА

12.00 – 12.45 – Ш. М. Казиев «Расул Гамзатов»
13.00 – 13.45 – В. Н. Козляков «Царь Алексей Тишайший»
14.00 – 14.45 – «Просто письма... Переписка В. Г. Распутина и В. П. Астафьева» (Представляют – О. В. Лосева и В. Я. Курбатов)
15.00 – 15.45 – Н. М. Долгополов «Легендарные разведчики»
16.00 – 16.45 – С. А. Шаргунов «Катаев»; З. Прилепин «Жизнь и строфы Анатолия Мариенгофа», «Непохожие поэты»; А. Г. Рудалев «Четыре выстрела: Писатели нового тысячелетия»

9 СЕНТЯБРЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ

12.00 – 12.45 – К. А. Супоницкая «Валерий Гаврилин»

13.00 – 13.45 – А. Ю. Сергеева-Клятис «Комиссаржевская», «Повседневная жизнь Пушкиногорья»
14.00 – 14.45 – В. В. Балашова «Ванга»

15.00 – 15.45 – А. Н. Сенкевич «Будда», «Блаватская»
16.00 – 16.45 – М. А. Гуреев «Повседневная жизнь Соловков»

КНИЖНАЯ ПОЛКА МАРТ–АВГУСТ 2018

Книги, вышедшие в сериях «ЖЗЛ», «ЖЗЛ: Биография продолжается...», «Живая история: Повседневная жизнь человечества», «Близкое прошлое» и в направлении «MG-NEXT» (а также другие внесерийные издания).

Следователи Петра Великого / Дмитрий Серов, Александр Федоров. — ЖЗЛ — 348[4] с.: ил. — Вып. 1719.

Лобановский / Александр Горбунов. — ЖЗЛ — 599[9] с.: ил. — Вып. 1709.

Всеволод Бобров / Михаил Щеглов. — ЖЗЛ — 523[5] с.: ил. — Вып. 1702.

Рильке / Николай Болдырев. — ЖЗЛ — 365[3] с.: ил. — Вып. 1729.

Иван III / Николай Борисов. — ЖЗЛ — 4-е изд., испр. — 644[12] с.: ил. — Вып. 1717.

Катаев: «Погоня за вечной весной» / Сергей Шаргунов. — ЖЗЛ — 2-е изд., дораб. — 703[1] с.: ил. — Вып. 1728.

Рюриковичи / Дмитрий Володихин. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 484[12] с.: ил. — Вып. 1725.

Франклин Рузвельт / Георгий Чернявский. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 542[2] с.: ил. — Вып. 1731.

Черчилль / Франсуа Бедарида; пер. с фр. Е. Н. Юдиной; послесл. Ю. В. Емельянова. — ЖЗЛ — 7-е изд. — 458[6] с.: ил. — Вып. 1732.

Рахманинов / Сергей Федякин. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 478[2] с.: ил. — Вып. 1727.

Борис Пастернак / Дмитрий Быков. — ЖЗЛ — 14-е изд. — 893[3] с.: ил. — Вып. 1726.

Легендарные разведчики-2 / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 414[2] с.: ил. — Вып. 1734.

Руслан Аушев / Александр Бондаренко. — ЖЗЛ: Биография продолжается... — 399[1] с.: ил. — Вып. 37.

Будда / Александр Сенкевич. — ЖЗЛ — 431 [1] с.: ил.

Эдуард Багрицкий / Леонид Воронин. — ЖЗЛ — 287[1] с.: ил. — Вып. 1723.

Анатолий Филатов / Владислав Толстов. — ЖЗЛ — 396[4] с.: ил. — Вып. 1721.

Чингиз Айтматов / Осмонакун Ибраимов. — ЖЗЛ — 221[3] с.: ил. — Вып. 1739.

Блаватская / Александр Сенкевич. — ЖЗЛ — 2-е изд., дораб. и доп. — 527[1] с.: ил. — Вып. 1705.

Жуков. Маршал на белом коне / Сергей Михеенков. — ЖЗЛ — 631[9] с.: ил. — Вып. 1523.

Легендарные разведчики-1. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 6-е изд. — 367[1] с.: ил. — Вып. 1741.

Королева Виктория / Филипп Александр, Беатрис де Л'Онуа. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 495[1] с.: ил. — Вып. 1735.

Сальвадор Дали / Мишель Нюридсани; пер. с фр. И. А. Сосфеновой. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 543[1] с.: ил. — Вып. 1736.

Довлатов. Биография / Валерий Попов. — 367[1] с.

Карл Маркс. Мировой дух / Жак Аттали. — 447[1] с.

Лев Яшин. Вратарь нашей мечты / Владимир Галедин. — 319[1] с.

Зорге. Неудобный / Александр Куланов. — 652[4] с.

Мюнхен. За чертой / Святослав Рыбас. — 265[7] с.: ил.

Елизавета Федоровна / Дмитрий Гришин. — ЖЗЛ — 348[4] с.: ил. — Вып. 1737.

Валентин Пикуль / Антонина Пикуль. — ЖЗЛ — 460[4] с.: ил. — Вып. 1740.

Ремарк. «Как будто всё в последний раз» / Вильгельм фон Штернбург; пер. с нем. А. С. Егоршева. — ЖЗЛ — 378[6] с.: ил. — Вып. 1744.

Полю / Максим Артемьев. — ЖЗЛ — 255[1] с.: ил. — Вып. 1738.

Повседневная жизнь Соловков: От Обители до СЛОНа / Максим Гуреев. — 350[2] с.: ил.

Тесла: Пророк электричества / Евгений Матонин. — 428[4] с.

Гвардия советского футбола / Павел Васильев, Олег Лыткин. — 270[2] с.

Мейерхольд: Драма красного Карабаса / Марк Кушниров. — 411[5] с.

Людовик XVI. Непонятый король / Елена Морозова. — ЖЗЛ — 335[1] с.: ил. — Вып. 1743.

Рейган / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. — ЖЗЛ — 479[1] с.: ил. — Вып. 1742.

Смехачи Мейерхольда / Александр Хорт. — ЖЗЛ — 379[5] с.: ил. — Вып. 1733.

Красные / Евгений Матонин. — ЖЗЛ — 495[1] с.: ил. — Вып. 1687.

Ротшильды. Формула успеха / Екатерина Глаголева. — 479[1] с.

Муусолини: Цезарь фашистского Рима / Геннадий Пращкевич, Сергей Соловьев. — 367[1] с.: ил.

Иосиф Бродский: Русский поэт / Владимир Бондаренко. — 379[5] с.

Жизнь и строфы Анатолия Мариенгофа / Захар Прилепин. — 294[10] с.: ил.

Лев Яшин / Владимир Галедин. — ЖЗЛ — 3-е изд., испр. — 438[10] с.: ил. — Вып. 1668.

Московские обыватели / Михаил Вострышев. — 504 с.

Имам Шамиль / Шапи Казиев. — 400 с.

Скобелев / Борис Костин. — 254 с.

Сервантес / Андрей Красноглазов. — 314 с.

Александр Мальцев / Максим Макарычев. — 426 с.

Жанна д'Арк / Анатолий Левандовский. — 248 с.

Розанов / Александр Николюкин. — 528 с.

Савва Мамонтов / Владислав Бахревский. — 524 с.

Шукшин: Веще слово / Владимир Коробов. — 442 с.

Борисов-Мусатов / Константин Шилов. — 414 с.

Поленов / Марк Копшицер. — 346 с.

Карл Великий: через империю к Европе / Анатолий Левандовский. — 260 с.

Павел Судоплатов / Владимир Антонов. — ЖЗЛ — 332[4] с.: ил. — Вып. 1746.

Комиссаржевская / Анна Сергеева-Клятис. — ЖЗЛ — 348[4] с.: ил. — Вып. 1745.

Людвиг II: Калейдоскоп отраженного света / Мария Залеская. — ЖЗЛ — 303[1] с.: ил. — Вып. 1747.

Евдокия Московская: Жизне-

описание святой Евфросинии, великой княгини, жены и вдовы Дмитрия Донского / Константин Ковалев-Случевский. — ЖЗЛ — 314[6] с.: ил. — Вып. 1750.

Мейерхольд: Драма красного Карабаса / Марк Кушниров. — ЖЗЛ — 380[4] с.: ил. — Вып. 1752.

Валерий Гаврилин / Ксения Супоницкая. — ЖЗЛ — 527[1] с.: ил. — Вып. 1754.

Одри Хепберн / Бертран Мейер-Стабли; пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. — 311[9] с.: ил.

Виктор Цой: Поём вместе с тобой / Виталий Калгин. — 287[1] с.: ил.

Слепая ясно видящая. Ванга / Виктория Балашова. — 335[1] с.: ил.

Четыре выстрела: Писатели нового тысячелетия / Андрей Рудалев. — 505[7] с.: ил.

Просто письма... / Виктор Астафьев, Валентин Распутин. — Близкое прошлое — 203[5] с.: ил. — Вып. 30.

Расул Гамзатов / Шапи Казиев. — ЖЗЛ — 447[1] с.: ил. — Вып. 1707.

Эдит Пиаф / Альбер Бенсуссан; пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. — ЖЗЛ — 182[10] с.: ил. — Вып. 1753.

Элизабет Тейлор / Бертран Мейер-Стабли; пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. — ЖЗЛ — 239[1] с.: ил. — Вып. 1758.

Шухов: Покоритель пространства / Александр Васькин. — ЖЗЛ — 415[1] с.: ил. — Вып. 1751.

Никита Михалков. «Он русский, это многое объясняет...» / Михаил Крупин. — 621[3] с.: ил.

Редактор – Сергей Коростелев
Над номером работали:
Роман Косыгин, Анастасия Морозова,
Георгий Петров, Валерий Иванов
Дизайн и верстка Дмитрий Карпов

Наш адрес: 127055, Москва, ул. Суцеская, 19, стр. 5
Издательство: 8 (495) 787-63-85 <http://gvardiya.ru>
Отдел реализации: 8 (495) 787-64-53; 8 (495) 787-62-92
Отдел рекламы: 8 (495) 787-63-87
Интернет-магазин: <http://gvardiya.ru/shop/>;
8 (495) 787-95-59